

Владимир Мисихин

«Важный, но противоречивый текст»

Рецензия на книгу Александры Мартыненко «Бездушные бюрократы. Как устроена работа органов опеки» (2025)

Владимир Русланович Мисихин, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС, Москва, Россия.

ORCID: 0009-0000-3653-2349

Электронная почта: misikhin-vr@ranepa.ru

Для цитирования: Мисихин, В. Р. «Важный, но противоречивый текст»: Рецензия на книгу Александры Мартыненко «Бездушные бюрократы. Как устроена работа органов опеки» (2025) // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 1. С. 151–155.

Книга Александры Мартыненко представляет собой попытку антропологического описания повседневной работы органов опеки в России изнутри системы. Автор на протяжении нескольких лет работала в одном из отделов опеки, сочетая роль сотрудницы и исследовательницы, что дало ей уникальный доступ к практике и языку низовой бюрократии, но одновременно породило целый ряд методологических и аналитических противоречий, которые во многом определяют как силу, так и уязвимости книги.

Автор задает амбициозную исследовательскую рамку — наблюдение за практиками опеки изнутри. Однако научная позиция постоянно переплетается с личной, почти исповедальной оптикой. Наиболее показательный момент — признание автора: «Если я входила в отдел опеки с «поднятым мечом», то спустя три года стала разделять многие взгляды сотрудниц» (с. 40). Это не просто личная деталь, а ключевой сдвиг в исследовательской позиции, который

151

остается без аналитического осмысления. Вместо рефлексии о том, как слияние с полем влияет на производство знания, автор фиксирует собственную трансформацию как сюжетный элемент повествования и утверждает: «Это не апологетический текст» (с. 40), но дальнейшее изложение всё больше напоминает оправдание и защиту сотрудников опеки, а не критический анализ их деятельности. Автор отмечает, что использует «вымышленные элементы» в описании персонажей, «которые тем не менее не искажают обстоятельств». (с. 12). Эта декларация не сопровождается объяснением, где проходят границы вымысла, какова степень художественного редактирования ситуаций, как автор фиксировала данные, как строилась аналитическая обработка. Возникает принципиальное методологическое противоречие, текст претендует на достоверность, но использует художественные допущения без четких критериев.

Неустойчивость исследовательской позиции усиливается жанровыми смещениями. Книга сочетает полевые заметки, художественные портреты персонажей, бытовые зарисовки и элементы научного комментария. Описание сотрудников опеки построено в духе литературных характеров, например, сцены с морскими свинками Ани (с. 20), экспрессивными телефонными разговорами Марины (с. 24–26) или домашней атмосферой утренних ритуалов (с.16–19). Эти эпизоды живы и детализированы, но их художественная форма вступает в противоречие с заявленной исследовательской задачей. Нигде не обозначено, как велись записи, фиксировались наблюдения, каким образом выстраивался аналитический отбор материала. В результате эмпирический материал оказывается богатым, но методологически непроясненным.

Книга концентрируется на «человеческом измерении» работы опеки, автор стремится показать, что за стереотипным образом «бездушных теток» стоят живые, уставшие, эмоционально вовлеченные женщины. Это важный сдвиг фокуса, но он сопровождается явной селективностью. Системные проблемы, законодательные противоречия и коррупционные риски остаются на периферии внимания. Например, описывая, как сотрудница опеки распределяет возмездные и безвозмездные формы опеки, автор фиксирует субъективный

характер решений (с. 28), но не задаётся вопросом о прозрачности таких процедур и их правовых последствиях. Аналогично, сцены хамства и стигматизации клиентов (с. 64–67) даны как бытовые наблюдения, без анализа того, как подобные практики структурно влияют на качество государственных услуг и положение семей.

Такой отбор материала подчеркивает эмпатию к бюрократам, но отодвигает на второй план саму систему, которую автор декларирует как объект исследования. При этом клиенты, родители и дети, оказываются в тексте в основном фоном — лишенным индивидуальности, редуцированным до типажей вроде «алкашей» и «наркошей» (с. 72). Это создаёт внутреннее противоречие, автор критикует стигматизацию, но воспроизводит её нарративно, не предлагая альтернативных способов репрезентации потребителей услуг.

Автор апеллирует к теории «уличной бюрократии» Майкла Липски и его последователей (с. 42–45). Однако использование теории носит декларативный характер. Исследования низовой бюрократии цитируются как фон, без интеграции в аналитическую ткань текста. Теоретические положения о дискреции, ограниченности ресурсов или неформальных практиках принимаются как самоочевидные и не соотносятся с конкретными наблюдениями, накопленными в книге. В итоге теория выглядит как поздняя «вставка» к уже написанному нарративу — она появляется после сорока страниц эмпирических описаний и почти не влияет на структуру аргументации.

Отсутствует и критическое осмысление российской специфики, правовой контекст, административные реформы и организационные особенности системы опеки упоминаются лишь в виде нормативных цитат (с. 10–11), не становясь частью объяснительной схемы.

Одна из заметных черт книги — насыщенность эмоциональными образами и бытовыми деталями, часто замещающими анализ. Например, фраза: «Жаркий воздух кабинета начинает извлекать из посетителей запахи перегара, крепких сигарет, слежавшегося белья и другого, прежде незнакомого мне мира, где детей не кормят и не любят» (с. 72) производит сильное впечатление, но работает скорее как публицистический

штрих. Подобные эпизоды придают тексту живость, но создают напряжение между исследовательской задачей и литературным исполнением. Стилистическая неровность — чередование разговорных и эмоционально окрашенных фрагментов с сухими нормативными цитатами и отсылками к теории — делает восприятие текста неравномерным.

В книге мало осмыслены этические вопросы. Автор описывает практики, которые ставят под вопрос прозрачность и соблюдение профессиональных норм, но не дает им оценки. Например, эпизод, когда сотрудница хранит «витиевато написанные заключения» только на своей флешке (с. 30) преподносится как личная особенность, а не как симптом системной непрозрачности. Подобные случаи связаны с реальными рисками для прав клиентов, однако автор не развивает эту линию.

В более широком плане отсутствует рефлексия о собственной ответственности автора как участницы поля. Позиция исследовательницы, оказавшейся частью бюрократической машины, могла бы стать ключевым аналитическим инструментом. Однако вместо этого личное участие подано как фон, а не как объект критического рассмотрения. Заключительная глава книги («Действовать без цели») носит философский, почти афористический характер. Фраза «Сотрудницы опеки работают в мире, где слова и цифры не спасают, а лишь закрепляют» (с. 159) звучит эффектно, но не суммирует аналитические наблюдения. Автор не формулирует ни четких выводов, ни предложений по изменению системы, ни рефлексии над собственным исследовательским вкладом. При всем богатстве материала книга не отвечает на вопрос, который задаёт во вступлении, почему и как возникает образ «бездушных теток» и что стоит за ним на уровне системных практик.

Книга Александры Мартыненко — важный, но противоречивый текст. Ее сила — в эмпатии, внимании к деталям, редком взгляде изнутри на работу низовой бюрократии. Ее слабость — в методологической неустойчивости, селективности материала, поверхностном использовании теории и отсутствии этической рефлексии. Автор создает убедительный нарратив о людях, работающих в органах опеки, но не превращает его в последовательное научное исследование.

Для научного сообщества текст ценен прежде всего как этнографический материал и свидетельство «внутреннего» взгляда на систему опеки. Однако как исследовательская работа он требует существенного аналитического и методологического укрепления — в противном случае он остается на границе между исповедью и очерком, не переходя в область науки.

Владимир Мисихин
«Важный, но противоречивый текст»